

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ

Звезда КЭЦ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б44

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Беляев, Александр Романович.
Б44 Звезда КЭЦ / Александр Беляев. — Москва :
Эксмо, 2025. — 256 с. — (Всемирная литература
(с картинкой)).

ISBN 978-5-04-216555-9

«Звезда КЭЦ» — роман Александра Беляева (1884–1942), одно из первых произведений в советской фантастике, посвященное освоению космоса.

Молодой биолог Леонид Артемьев из Ленинграда отправляется на Памир, а затем прямо в космос. Там он оказывается на Звезде КЭЦ — это второй искусственный спутник Земли, названный в честь основоположника космонавтики К.Э. Циолковского. Здесь ученые выращивают огромные фрукты и овощи с помощью солнечной энергии, создают животных-гибридов, понимающих человеческую речь. И даже отправляются исследовать обратную сторону Луны.

Наполненная духом прогресса и приключений, книга приглашает читателя задуматься о будущем, где границы возможного расширяются с каждым новым открытием.

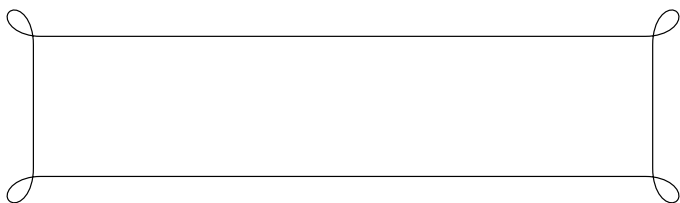
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216555-9

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Посвящается памяти
Константина Эдуардовича
Циолковского*

ВСТРЕЧА С ЧЕРНОБОРОДЫМ

Кто бы мог подумать, что незначительный случай решит мою судьбу.

В то время я был холост и жил в доме научных работников. В один из весенних ленинградских вечеров я сидел у открытого окна и любовался на деревца сквера, покрытые светло-зеленым молодым пушком. Верхние этажи домов пылали палевыми лучами заката, нижние погружались в синие сумерки. Вдали виднелись зеркало Невы и шпиль Адмиралтейства. Было удивительно хорошо, не хватало только музыки. Мой ламповый радиоприемник испортился. Нежная мелодия, заглушенная стенами, чуть доносилась из соседней квартиры. Я завидовал соседям и в конце концов пришел к мысли, что Антонина Ивановна, моя соседка, без труда могла бы помочь мне наладить радиоприемник. Я не был знаком с этой девушкой, но знал, что она работает ассистентом физико-технического института. При

встрече на лестнице мы всегда приветливо раскланивались. Это показалось мне вполне достаточным для того, чтобы обратиться к ней за помощью.

Через минуту я звонил у дверей соседей.

Дверь мне открыла Антонина Ивановна. Это была симпатичная девушка лет двадцати пяти. Ее большие серые глаза, веселые и бодрые, глядели чуть-чуть насмешливо и самоуверенно, а вздернутый нос придавал лицу задорное выражение. На ней было черное суконное платье, очень простое и хорошо облегавшее ее фигуру.

Я почему-то неожиданно смутился и очень торопливо и сбивчиво стал объяснять причину своего прихода.

— В наше время стыдно не знать радиотехники, — шутливо перебила она меня.

— Я биолог, — пробовал оправдаться я.

— Но у нас даже школьники знают радиотехнику.

Этот укор она смягчила улыбкой, показав свои ровные зубы, и неловкость растаяла.

— Пойдемте в столовую, я допью чай и пойду лечить ваш приемник.

Я охотно последовал за ней.

В просторной столовой за круглым столом сидела мать Антонины Ивановны, полная, седая, розоволицая старушка. Она с суховатой любезностью поздоровалась со мной и пригласила выпить чашку чаю.

Я отказался. Антонина Ивановна допила чай, и мы направились ко мне.

С необычайной быстротой она разобрала мой приемник. Я любовался ее ловкими руками с длинными, подвижными пальцами. Говорили мы немного. Она очень скоро поправила аппарат и ушла к себе.

Несколько дней я думал только о ней, хотел зайти снова, но без повода не решался. И вот, стыдно признаться, но я нарочно испортил свой приемник... И пошел к ней.

Осмотрев повреждение, она насмешливо взглянула на меня и сказала:

— Я не буду чинить ваш приемник.

Я покраснел, как вареный рак.

Но на другой день снова пошел — доложить, что приемник мой работает великолепно. И скоро для меня стало жизненной необходимостью видеть Тоню, как я мысленно называл ее.

Она дружески относилась ко мне, по ее мнению, я, видите ли, был только кабинетный ученый, узкий специалист, радиотехники не знал, характер у меня нерешительный, привычки стариковские — сиднем сидеть в своей лаборатории или в кабинете. При каждой встрече она говорила мне много неприятного и советовала переделать характер.

Мое самолюбие было оскорблено. Я даже решил не ходить к ней, но, конечно, не выдер-

жал. Больше того, незаметно для себя я начал переделывать свой характер: стал чаще гулять, пытался заняться спортом, купил лыжи, велосипед и даже пособия по радиотехнике.

Однажды, совершая добровольно-принудительную прогулку по Ленинграду, я на углу проспекта Двадцать Пятого Октября и улицы Третьего Июля заметил молодого человека с иссиня-черной бородой.

Он пристально посмотрел на меня и решительно двинулся в мою сторону.

— Простите, вы не Артемьев?

— Да, — ответил я.

— Вы знакомы с Ниной... Антониной Герасимовой? Я видел вас однажды с ней. Я хотел передать ей кое-что о Евгении Палее.

В это время к незнакомцу подъехал автомобиль. Шофер крикнул:

— Скорей, скорей! Опаздываем!

Чернобородый вскочил в машину и, уже отъезжая, крикнул мне:

— Передайте — Памир, Кэц...

Автомобиль быстро скрылся за углом.

Я вернулся домой в смущении. Кто этот человек? Он знает мою фамилию? Где он видел меня с Тоней, или Ниной, как он называл ее? Я перебирал в памяти все встречи, всех знакомых... Этот характерный орлиный нос и острая черная борода должны были запомниться. Но нет, я никогда не видал его рань-

ше... А этот Палей, о котором он говорил? Кто это?

Я пошел к Тоне и рассказал о странной встрече. И вдруг эта уравновешенная девушка страшно разволновалась. Она даже вскрикнула, услышав имя Палей. Она заставила меня повторить всю сцену встречи, а потом гневно набросилась на меня за то, что я не догадался сесть с этим человеком в автомобиль и не расспросил у него обо всем подробно.

— Увы, у вас характер тюленя! — заключила она.

— Да, — зло ответил я. — Я совсем не похож на героев американских приключенческих фильмов и горжусь этим. Прыгать в машину незнакомого человека... Слуга покорный.

Она задумалась и, не слушая меня, повторяла, как в бреду:

— Памир... Кэц... Памир... Кэц.

Потом кинулась к книжным полкам, достала карту Памира и начала искать Кэц.

Но, конечно, никакого Кэца на карте не было.

— Кэц... Кэц... Если не город, так что же это: маленький кишлак, аул, учреждение?.. Надо узнать, что такое Кэц! — воскликнула она. — Во что бы то ни стало сегодня же или не позже завтрашнего утра...

Я не узнавал Тоню. Сколько неукротимой энергии было скрыто в этой девушке, которая

умела так спокойно, методически работать! И все это превращение произвело одно магическое слово — Палей. Я не осмелился спросить у нее, кто он, и постарался поскорее уйти к себе.

Не стану скрывать, я не спал эту ночь, мне было очень тоскливо, а на другой день не пошел к Тоне.

Но поздно вечером она сама явилась ко мне, приветливая и спокойная, как всегда. Сев на стул, она сказала:

— Я узнала, что такое Кэц: это новый город на Памире, еще не нанесенный на карту. Я еду туда завтра, и вы должны ехать со мной. Я этого чернобородого не знаю, вы поможете отыскать его. Ведь это ваша вина, Леонид Васильевич, что вы не узнали фамилию человека, который имеет сведения о Палее.

Я в изумлении вытаращил глаза. Этого еще не доставало. Бросить свою лабораторию, научную работу и ехать на Памир, чтобы искать какого-то Палея!

— Антонина Ивановна, — начал я сухо, — вы, конечно, знаете, что не одно учреждение ждет окончания моих научных опытов. Сейчас я, например, заканчиваю работу по задержке созревания фруктов. Опыты эти давно велись в Америке и ведутся у нас. Но практические результаты пока невелики. Вы, вероятно, слыхали, что консервные фабрики на юге, перерабатывающие местные фрукты: абрикосы, мандарины,

персики, апельсины, айву — работают с чрезмерной нагрузкой месяц-полтора, а десять-одиннадцать месяцев в году простаивают. И это потому, что фрукты созревают почти одновременно и переработать их сразу невозможно. Поэтому каждый год гибнет чуть ли не девять десятых урожая...

Увеличить число фабрик, которые десять месяцев в году находятся на простое, тоже невыгодно. Вот мне и поручили текущим летом отправиться в Армению, чтобы на месте поставить чрезвычайно важные опыты искусственной задержки созревания фруктов. Понимаете? Фрукты снимаются немного недозревшими и затем дозревают постепенно, партия за партией, по мере того как заводы справляются со своей работой. Таким образом, заводы будут работать круглый год, а...

Я посмотрел на Тоню и запнулся. Она не перебивала меня, она умела слушать, но лицо ее все больше мрачнело. На лбу, меж бровей, легла складка, длинные ресницы были опущены. Когда она подняла на меня глаза, я увидел в них презрение.

— Какой ученый-общественник! — сказала она ледяным тоном. — Я тоже еду на Памир по делу, а не как искательница приключений. Мне во что бы то ни стало надо разыскать Палея. Путешествие не продлится долго. И вы еще успеете попасть в Армению к сбору урожая...

Гром и молния! Не мог же я сказать ей, в какое нелепое положение она меня ставит! Ехать с любимой девушкой на поиски неведомого Палея, быть может, моего соперника! Правда, она сказала, что она не искательница приключений и едет по делу. Какое же дело связывает ее с Палеем? Спросить не позволяло самолюбие. Нет, довольно с меня. Любовь мешает работе. Да, да! Раньше я засиживался в лаборатории до позднего вечера, а теперь ухожу, как только пробьет четыре. Я уже хотел еще раз отказаться, но Тоня предупредила меня.

— Вижу, мне придется ехать одной, — сказала она, поднимаясь. — Это осложняет дело, но, может быть, мне удастся найти чернобородого и без вашей помощи. Прощайте, Артемьев. Желаю вам успешного дозревания.

— Послушайте, Антонина Ивановна!.. Тоня!.. Но она уже вышла из комнаты.

Идти за ней? Вернуть? Сказать, что я согласен?.. Нет, нет! Надо выдержать характер. Теперь или никогда.

И я выдерживал характер весь вечер, всю бессонную ночь, все хмурое утро следующего дня. В лаборатории я не мог смотреть на сливы — предмет моих опытов.

Тоня, конечно, поедет одна. Она не остановится ни перед какими трудностями. Что произойдет на Памире, когда она найдет чернобородого и через него Палея? Если бы я сам

присутствовал при встрече, мне многое стало бы ясным. Я не поеду с Тоней — это значит разрыв. Недаром, уходя, она сказала «прощайте». Но все же я должен выдержать характер. Теперь или никогда.

Конечно, я не поеду. Но нельзя же быть невежливым — простая любезность требует помочь Тоне собраться в дорогу.

И вот еще не пробило четырех часов, я уже прыгал через пять ступенек, сбегая с четвертого этажа. Не хуже старого американского киногероя, я вскочил на ходу в троллейбус и помчался домой. Кажется, я даже без стука ворвался в комнату Тони и крикнул:

— Я еду с вами, Антонина Ивановна!

Не знаю, для кого большей неожиданностью было это восклицание — для нее или для меня самого. Кажется, для меня.

Так я был вовлечен в цепь самых невероятных приключений.

ДЕМОН НЕУКРОТИМОСТИ

Я смутно помню наше путешествие от Ленинграда до таинственного Кэца. Я был слишком взволнован своей неожиданной поездкой, смущен собственным поведением, подавлен Тониной энергией.

Тоня не хотела терять ни одного лишнего дня и составила маршрут путешествия, исполь-

зовав все быстрые современные средства сообщения.

От Ленинграда до Москвы мы летели на аэроплане. Над Валдайской возвышенностью нас здорово потрепало, а так как я не выношу ни морской, ни воздушной качки, мне стало плохо. Тоня заботливо ухаживала за мной. В пути она стала ко мне относиться тепло и ровно — словом, переменялась к лучшему. Я все больше изумлялся: сколько сил, женской ласки, заботливости у этой девушки! Перед путешествием она работала больше меня, но на ней это совершенно не отразилось. Она была весела и часто напевала какие-то песенки.

В Москве мы пересели на полуреактивный стратоплан Циолковского, совершающий прямые рейсы Москва — Ташкент.

Эта машина летела с бешеной скоростью. Три металлические сигары соединены боками, снабжены хвостовым оперением и покрыты одним крылом — таков внешний вид стратоплана. Тоня немедленно ознакомилась с его устройством и объяснила мне, что пассажиры и пилоты помещаются в левом боковом корпусе, в правом — горючее, а в среднем — воздушный винт, сжиматель воздуха, двигатель и холодильник; что самолет движется силой воздушного винта и отдачею продуктов горения. Она говорила еще о каких-то интересных подробностях, но я слушал рассеянно, новизна впечатлений подавляла меня. Помню,

мы зашли в герметически закрывающуюся кабину и усадились на очень мягкие кресла. Самолет побежал по рельсам, набрал скорость — сто метров в секунду — и поднялся на воздух. Мы летели на огромной высоте — быть может, за пределами тропосферы, — со скоростью тысячи километров в час. И говорят — эта скорость не предельная.

Не успел я как следует усесться, а мы уже оставили позади пределы РСФСР. За облачным покровом земли не было видно. Когда облака начали редеть, я увидел глубоко под нами сероватую поверхность. Она казалась углубленной в центре и приподнятой к горизонту, словно опрокинутый серый купол.

— Киргизские степи, — сказала Тоня.

— Уже? Вот это скорость!

Такой полет мог удовлетворить даже нетерпение Тони.

Впереди блеснуло Аральское море. И в кабине говорили уже не о Москве, которую только что покинули, а о Ташкенте, Андижане, Коканде.

Ташкента я не успел рассмотреть. Мы молниеносно снизились на аэродроме, и уже через минуту мчались на автомобиле к вокзалу сверхскоростного реактивного поезда — того же Циолковского. Этот первый реактивный поезд Ташкент — Андижан по скорости не уступал стратоплану.

Я увидел длинный, обтекаемой формы вагон без колес. Дно вагона лежало на бетонном полотне, возвышающемся над почвой. С обеих

сторон вагона имелись закраины, заходящие за бока полотна. Они придавали устойчивость на закруглениях пути.

Я узнал, что в этом поезде воздух накачивается под днище вагона и по особым щелям прогоняется назад. Таким образом, вагон летит на тончайшем слое воздуха. Трение сведено до минимума. Движение достигается отбрасыванием назад воздушной струи, и вагон развивает такую скорость, что с разгона без мостов перепрыгивает небольшие реки.

Я опасливо поежился, сел в вагон, и мы двинулись в путь.

Скорость «езды-полета» была действительно грандиозна. За окнами ландшафт сливался в желтовато-серые полосы. Только голубое небо казалось обычным, но белые облака бежали назад с необыкновенной резвостью. Признаюсь, несмотря на все удобства этого нового способа передвижения, я не мог дождаться конца нашего короткого путешествия. Но вот под нами сверкнула река, и мы мигом перескочили ее без моста. Я вскрикнул и невольно поднялся. Видя такую отсталость и провинциальность, все пассажиры громко рассмеялись. А Тоня восторженно захлопала в ладоши.

— Вот это мне нравится! Это настоящая езда! — говорила она.

Я тоскливо заглядывал в окно: когда же кончится это мутное мелькание?

В Андижане я запросил пощады. Надо же немного передохнуть после всех этих сверхскоростных передрыг. Но Тоня и слушать не хотела. Ее обуял демон неукротимости.

— Вы испортите мне весь график. У меня согласовано все до одной минуты.

И мы вновь как одержимые помчались на аэродром.

Путь от Андижана до Оша мы пролетели на обыкновенном аэроплане. Его совсем немалую скорость — четыреста пятьдесят километров в час — Тоня считала черепашей. На беду, мотор закапризничал, и мы сделали вынужденную посадку. Пока бортмеханик возился с мотором, я вышел из кабины и растянулся на песке. Но песок был невыносимо горячий. Солнце палило немилосердно, и мне пришлось убраться в душную кабину.

Обливаясь потом, я проклинал в душе наше путешествие и мечтал о ленинградском мелком дожде.

Тоня нервничала, боясь опоздать в Оше к отлету дирижабля. На мое несчастье, мы не опоздали и прилетели на аэродром за полчаса до отлета дирижабля. Этот металлический гигант из гофрированной стали должен был нас доставить в город Кэц. Мы добежали до причальной мачты, быстро поднялись на лифте и вошли в гондолу.

Путешествие на дирижабле оставило самое приятное воспоминание. Каюты гондолы

охлаждались и хорошо вентилировались. Скорость — всего двести двадцать километров в час. Ни качки, ни тряски, и полное отсутствие пыли. Мы хорошо пообедали в уютной кают-компании. За столом слышались новые слова: Алай, Кара-Куль, Хорог.

Памир с высоты произвел на меня довольно мрачное впечатление. Недаром эту «крышу мира» называют «подножием смерти». Ледяные реки, горы, ущелья, морены, снежные стены, увенчанные черными каменными зубцами, — траурный наряд гор. И лишь глубоко внизу — зеленые пастбища.

Какой-то пассажир-альпинист, указывая на покрытые зеленоватым льдом горы, объяснял Тоне:

— Вот это гладкий ледник, это игольчатый, вон там бугристый, дальше волнообразный, ступенчатый...

Внезапно сверкнула гладь озера...

— Кара-Куль. Высота три тысячи девятьсот девяносто метров над уровнем моря, — сказал альпинист.

— Посмотрите, посмотрите! — окликает меня Тоня.

Смотрю. Озеро как озеро. Блестит. А Тоня восхищается:

— Какая красота!

— Да, блестящее озеро, — говорю я, чтоб не обидеть Тоню.